13.10.99.

Ростропович

Корифей спешил на бал

Репортаж из Линкольн-центра о несостоявшемся интервью с Ростроповичем

Век. Москва. — 1999. — 13 окт. — с.5

Ростропович — эпоха в музыке и не только. Когда одуревшая советская государственная машина собралась перемолоть своими стальными челюстями Солженицына, Ростропович укрыл его на своей даче в Жуковке. Это был Поступок: знал, что поплатится, но не дрогнул. Потом Андропов настоял на высылке писателя, а поехавших на гастроли Ростроповича и Вишневскую лишили советского гражданства. История эта хорошо известна, я бы не стал вспоминать о ней, если бы осенью минувшего года не пришлось побывать в Жуковке, походить по дорожке, по которой гулял Солженицын, поглядеть на дачи знаменитых людей: Келдыша, Шостаковича, Харитона. А участок, где раньше стояла дача Ростроповича, освоен «новыми русскими»: кичливо высятся здесь, едва ли не обнимая друг друга, два здоровенных дворца а-ля Дом Пашкова. Но это так, к слову. Солженицын вернулся в Подмосковье, Ростропович гастролирует по всему миру, иногда залетая в Нью-Йорк.

Владимир НУЗОВ,
наш собственный корреспондент

За две недели до концерта в Линкольн-центре билетов в кассе уже не было. Еще бы! Кроме Ростроповича, любителей классической музыки привлекало и другое имя: Курт Мазур. У знаменитого дирижера и музыкального директора нью-йоркской филармонии в этом году заканчивается контракт, так что одному богу известно, когда он (в следующем тысячелетии) снова станет за дирижерский пульт в Эвери Фишер-холле. А репертуар? Концерт Дворжака для виолончели с оркестром мой знакомый виолончелист, победитель одного из самых престижных международных конкурсов Витторио Гуи, назвал гениальным. И не надо быть специалистом, чтобы знать Пятую симфонию Чайковского, исполненную оркестром во втором отделении. Мощь, тревога, непреклонность. Основную тему Пятой симфонии знает, без преувеличения, каждый. Не зря Петр Ильич, один из самых любимых американцами композиторов, сто с лишним лет назад был приглашен на открытие Карнеги-холла — нынешнего «соперника» Линкольн-центра.

Итак, высоченный седобородый мэтр дирижировал оркестром, не имея перед собой нот, — наизусть. Для меня это было откровением. А руки! Они жили своей отдельной, полнокровной жизнью, а не держались, как это принято, за пресловутую палочку. В самых напряженных местах симфонии какая-то сила буквально возносила Мазура над сценой. К лихим подпрыгиваниям шустрого бородача надо еще привыкнуть.

Всеобщий восторг вызывает отторжение. Так и хочется найти изъян у великого, опустить его до доступного. Но Ростропович — гигант, звук густой, как хороший суп, каждая нота наполнена смыслом. Он постарел, но и сегодня он — лучший.

Едва замерли смычки, зал взревел. Как бы желая стряхнуть с себя его навязчивую волю, я рванулся прочь и понесся — волка ноги кормят! — к служебному входу. Подал свою визитку симпатичной японке, она куда-то ушла, потом позвонила охраннику, тот велел мне подниматься на третий этаж в какую-то «зеленую комнату». В нее вошел и начал общаться с народом великий Ростропович. Я пристроился в хвост смиренной американской очереди, она причудливо извивалась, и хвост ее пришелся как раз на «целовальное место». В очереди, как оказалось, томились хорошие знакомые маэстро, запросто называвшие его Славой, дарили какие-то фотографии, а я, сперва разинув варежку, потом спохватился все это снимать и записывать на рекордер. Ростропович недурно, правда, с веселым русским акцентом, говорит по-английски, горячо целуется и щедро раздает автографы. Тут и моя очередь подошла. Я лукаво попросил разрешения говорить по-русски и, запинаясь, напомнил мастеру о давнишней встрече в Манхеттенскул оф мьюзик, где он давал открытый урок. Он тогда от интервью отмахнулся: давай, мол, в другой раз. «Не пришел ли тот самый раз, Мстислав Леопольдович?» — включаю диктофон.

— Лапочка, я утром улетаю; а сейчас меня жрать поведут.

Небольшой комментарий. Я наблюдал, как съезжались на концерт гости: мужчины во фраках, дамы в соболях. Щелкали вспышки, шевелились жерла телекамер. Торжественный ужин: антикварные бокалы с шампанским, изысканные закуски. «Меня жрать поведут», — демократично снизил пафос маэстро. Только готовя этот репортаж, я вспомнил, как в Моссовете один из самых заметных боссов городского уровня (префект Западного округа) Алексей Брячихин в аналогичной ситуации сгреб меня своей самбистской лапой и покровительственно бросил: «Пойдем выпьем, там поговорим».

— А может, мне поехать с вами в аэропорт?

Помнится, идея автомобильного интервью пришла когда-то в голову Иосифу Кобзону. Правда, ехать мы должны были не в аэропорт, а из Москвы в Тулу. Или наоборот — уже не помню.

— Нет, нет. И вообще мне эти интервью надоели! У меня каждый день до 2003 года расписан до минуты!

Баста. Я решил получить хотя бы утешительный приз: достал из портфеля лист бумаги и попросил вопреки своим правилам автограф. Внимательно следил, как гениальная, но, увы, стареющая рука, чуть подрагивая, выводила мою фамилию.

— Я напишу «на добрую память», хорошо?

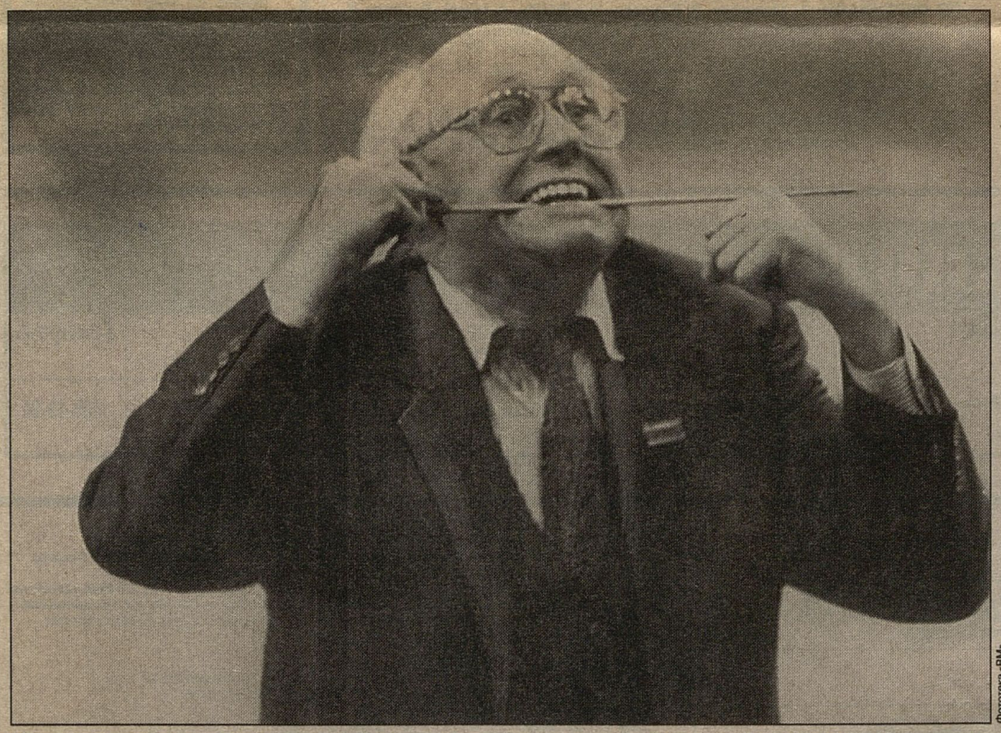
Я автоматически кивнул, а теперь подумал: а что, можно было возразить? И попросить написать: имярек с горячей симпатией и восхищением его необузданным талантом.

Опустив в чрево портфеля листок, я рискнул-таки задать Ростроповичу сакраментальный вопрос:

— Что вы думаете о положении в России?

Он покосился на меня уже сердито и с недоверием, и с этим застывшим сердито-недоверчивым взглядом его утащили прямо за фалды пиджака в приоткрывшуюся дверь. Там начинался бал.

Нью-Йорк



Фототека «ВМ»

Ноты живут своей отдельной жизнью, а не держатся за дирижерскую палочку